

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

А. С. Макарычев

Восточнопрусский юмор как культурно-исторический феномен

Анализируются основные сюжетные линии восточно-прусского юмора и его особенности, а также их влияние на менталитет и социальную психологию восточных пруссаков. Особое внимание уделяется нижнепрусскому диалекту восточных пруссаков как фактору формирования их социальной психологии. Делается попытка выявить следы присутствия юмора в различных повседневных реалиях жителей Восточной Пруссии.

Ключевые слова: восточнопрусский юмор, нижнепрусский диалект, Кёнигсберг.

Юмор в субъективном смысле представляет собой интеллектуальную способность человека под-

мечать в явлениях их комичную, смешную сторону. В более широком объективном плане юмор — это то, что вызывает у людей смех, улыбку или радость. Вместе с тем, как правильно было замечено, юмор также связан с положительным отношением к жизни и окружающим людям [5, S. 181]. Восточнопруссский юмор представляет собой одно из исторических явлений этого сложного социально-психологического образования, генезис которого связан с действием ряда уникальных историко-культурных факторов. Иными словами, о нем можно говорить особо, как, например, об английском юморе.

Начало формирования восточнопруссского юмора как культурно-исторического феномена относится ко времени образования Пруссии как государства, которое начало складываться в XIII в. после покорения пруссов-язычников. Исходный пункт его тематического наполнения относится к эпохе походов рыцарей Тевтонского ордена против языческих западных балтов. Уже в орденское время получили распространение народные гуляния накануне Великого поста, когда прусские бюргеры и крестьяне высмеивали представителей власти, которым повиновались в обычное время. Во время подобных шуточных представлений с маскарадами и переодеваниями случались нарушения общественного порядка. В 1444 г. епископ Николаус даже издал специальное распоряжение, запрещающий духовенству принимать участие в таких уличных процессиях [3, S. 124]. О какой-либо письменной традиции подобного рода в орденское время говорить не приходится. Для простого населения, особенно ремесленников и крестьян, долгое время единственным публичным развлечением и возможностью уйти от скучной и однообразной жизни было посещение балаганных зрелищ, знакомство с искусством странствующих комедиантов, фокусников, музыкантов, поводырей «ученых» медведей и т.п. [1, с. 137].

Новый импульс развитию этой сферы духовной культуры дали секуляризация Тевтонского ордена, последовавшие за ней основание светского герцогства Пруссия и учреждение Кёнигсбергского университета в 1544 г. История восточнопрусского юмора прослеживается на протяжении столетий вплоть до 1945 г., когда, согласно решениям Потсдамской конференции, немецкая провинция Восточная Пруссия прекратила свое существование. Заниматься систематизацией и изучением восточнопрусского юмора немецкие исследователи и энтузиасты начали только в середине XX в. Безвозвратно потерянная родина, исчезающий диалект и ностальгические чувства восточных пруссаков, культивируемые различными землячествами бывшей провинции в ФРГ, все это играло не последнюю роль в своеобразном ренессансе интереса к истории духовной культуры той земли в 1950–1980-х гг.

Практически в каждой газете таких землячеств была представлена рубрика «Веселый уголок» (*heitere Ecke*), в которой печатались различные анекдоты, забавные истории или диалектные каламбуры, связанные с повседневными реалиями из жизни бывшей восточной провинции Германии. Материалы присылали в редакции соответствующих газет неравнодушные читатели. Такие заметки дают любопытный материал по означенной теме, поскольку связаны с уникальным жизненным опытом и воспоминаниями бывших жителей провинции, до этого известными весьма ограниченному кругу лиц.

В 1960–1980-х гг. немецкое издательство «Раутенберг» издало серию книг, посвященных различным аспектам восточнопрусского юмора: «Сельский почтальон Шнайдерайт рассказывает», «333 восточнопрусские шутки», «Застольные беседы», «Клопсы и творог», «Юмор из Восточной Пруссии», «Граф Карол рассказывает», «Пусть девушки...», «Нахалы и простаки». Они дают богатый фактический материал по данной

тематике, который позволяет определить главные сюжетные линии и особенности восточнопрусского юмора. Яркие образцы разговорного языка, связанные с различными оттенками комического, можно почерпнуть в литературных произведениях Зигфрида Ленца «Таковыми нежными были Сулейки» и Германа Зудермана «Путешествие в Тильзит». Разумеется, ими не исчерпывается юмористическая проза уроженцев этой земли.

С точки зрения тематики контент восточнопрусского юмора весьма разнообразен, и это понятно, поскольку субъекты и объекты комического порождены самой жизнью с ее крайне сложной и подвижной палитрой красок. Тем не менее вполне можно выделить его «историческую» часть, то есть сюжеты, которые связаны с историческими личностями, событиями или реалиями, имеющими непосредственное отношение к Восточной Пруссии.

Вне всякого сомнения, одним из самых важных факторов формирования социальной психологии восточных пруссаков и, в частности, восточнопрусского юмора, был специфический диалект жителей этой провинции, который профессиональные лингвисты называют нижнепрусским или немецко-платским диалектом, испытавшим на себе сильное влияние балто-славянского субстрата. Его наиболее характерные лексические особенности состоят в тяготении к уменьшительным формам и отсутствию умлаута. Причем уменьшительные формы (реализуемые через суффикс *-che*: Herr Doktor*che*, Herr Pfarrer*che*) использовались постоянно, а не от случая к случаю. Эта языковая особенность позволяла воспринимать людей как более добрых, симпатичных и дружелюбных независимо от контекста той или иной ситуации. Комические сюжеты на основе диалекта весьма разнообразны, но наиболее интересными представляются ситуации, связанные с употреблением определенных слов в несколько

иной языковой среде. Конечно, сам по себе диалект не является источником юмора, но именно в диалектном обрамлении бытовые реалии зачастую приобретают комический оттенок. Вот несколько примеров.

Один старый крестьянин (говоривший на местном диалекте) собирается по делам в город и получает заказ от жены купить пару мешков из газа для хранения окороков. В подходящем магазине он спрашивает продавщицу: «Девушка, мне нужны мешки для хранения окороков». Молодая девушка с возмущением отвечает ему: «Господин, у нас говорят на литературном немецком; это не мешки для хранения окороков, это женское трико!» [4, S. 110].

На обрывистых берегах Замланда каждая рыбацкая деревушка принимает также курортников. Природа и ландшафт заменяют удобства и цивилизацию. Один не очень догадливый рыбак передает даме, которая собирается гостить у него летом, ключи от комнаты, шкафа и комода. Дама не находит ключа от Oertchen⁷⁸: «Барышня, что это за ключ?» — «Ну как же, от Oertchen!» — «Что это?» — «О Боже, как бы мне это вам объяснить?» Наконец она показывает на небольшую деревянную будку рядом с амбаром, на двери которой вырезано сердечко. «Ах вот что, так вы имеете в виду наш Partemang⁷⁹?! От него ключа нет; оттуда у нас еще никто ничего не крал!» [3, S. 111].

Если в первом случае крестьянин просто перепутал магазин, то во втором налицо диссонанс между диалектами Восточной Пруссии.

Большой популярностью у жителей провинции пользовались смешные истории и анекдоты, связанные с историческими персонажами, оставившими свой след в истории края. Пальму первенства здесь прочно удерживают коронованные особы эпохи Наполеоновских войн. Это было сложное время для

⁷⁸ Oertchen (нем. разг.) — туалет

⁷⁹ Partemang (уст. саксонск.) — туалет

прусского государства и его жителей. «Несчастливая война» 1806–1807 гг., унижительный Тильзитский мир и французская оккупация жестоко ранили национальную гордость, да и освободительная война 1813 г. не увенчалась бы успехом без союза с Россией. Видимо, «коллективное бессознательное» пруссаков произвело утешительные истории, в которых победителями оказывались немцы, хотя бы и в словесных баталиях. Вот один из характерных примеров.

Тильзит. 1807 г. Наполеон и Фридрих Вильгельм проходят мимо находящегося на посту прусского гренадера с многочисленными шрамами на лице. «По моим солдатам видно, что они храбрецы». Наполеон парирует: «А как насчет тех, которые нанесли эти шрамы?» В разговор вступает прусский гренадер: «Они мертвы, сир!» [4, S. 11].

Оставим на совести народной молвы достоверность самой встречи французского императора и прусского короля, но подобные сцены, конечно, проливали бальзам на национальное самолюбие пруссаков. Любимым вопросом школьных учителей истории в начальных классах был такой: «Поцеловала ли королева Луиза Наполеона во время их встречи наедине?» После оживленного обсуждения данного вопроса учитель выносил отрицательный вердикт, приводя в качестве аргумента тот факт, что в противном случае условия Тильзитского мира для Пруссии были бы значительно мягче.

Не чуждо было чувство юмора и самому знаменитому кёнигсбержцу, философу и ученому Иммануилу Канту. Видимо, не случайно народная молва приписывала ему остроумный ответ на вопрос о том, как он относится к женщинам: «Когда мне могла понадобиться жена, я не мог ее прокормить. А когда я мог ее прокормить, она уже не могла мне понадобиться». Другой знаменитый современник Канта, писатель,

композитор и художник Эрнст Теодор Амадей Гофман в свойственной ему аллегорической манере не без иронии однажды следующим образом выразил свое отношение к Канту:

Во время учебы в Кёнигсберге Гофман никогда не посещал лекции Канта. Несмотря на то что он высоко оценивал интеллект философа, трудный ученый язык последнего был ему явно не по вкусу. Своему другу, театральному актеру Людвигу Девриенту, он однажды так объяснил свое отсутствие: «Худо-бедно, я знаю четыре иностранных языка, латинский, французский, английский и польский. Пятый язык я не осилю» [5, S. 133].

Постоянным объектом шуток и острот была охота. Последняя, как неперемный атрибут светской жизни правящего сословия, стала развиваться после секуляризации Тевтонского ордена. В XVIII–XIX вв. начинается целенаправленная селекционная работа с поголовьем лося и благородного оленя, возникают государственные охотничьи хозяйства Роминтен и Эльхвальд. Одновременно шло развитие и закрепление традиций, обычаев и устных преданий, связанных с этим видом деятельности. Однако поскольку охота была преимущественно делом земельной аристократии и тесно связанной с ней прослойкой административного персонала (егеря, лесничие и старосты), то постепенно она приобрела черты закрытой для посторонних корпоративной практики, специфика которой не всегда была понятной для простых людей.

Во многих домах твердо придерживались традиции устраивать застолье после охоты. В одном имении под Гердауэном⁸⁰ после чая подали имбирь с сахаром; согласно стародавнему обычаю, каждый получал столько кусочков, сколько у него было детей. Некто, приглашенный на званый ужин впервые, взял только один

⁸⁰ Сегодня пос.
Железнодорожный
в Калининградской
области

кусочек имбиря, тогда его сосед по столу подложил ему еще пять, поскольку знал, что у нового гостя шестеро детей. Хозяин застолья, арендатор охотничьих угодий, наблюдавший за происходящим, порадовался за многодетного отца: «Браво, господин Вебер, примите мои поздравления!» Господин Вебер, однако, стусевался и принял поздравление за иронию. «Прошу прощения, господин барон, мой только один, остальные пять от моего соседа!» [4, S. 85].

Пруссаки охотно потешались над тем, как таксы кидались только на тех прохожих, которые носили фамилию Фукс, или как у охотничьих собак наворачивались на глаза слезы, если хозяин совершал неудачный выстрел. Немало забавных историй связано с последним германским кайзером Вильгельмом II, который был заядлым охотником и часто наведывался в свою охотничью усадьбу в Роминтенской пуще.

Особой сферой приложения юмора являлась восточнопрусская кухня, причем как в прямом, так и в переносном смысле. «В Восточной Пруссии кухня превратилась в место философских диспутов и познания мудрости, поскольку люди во время приготовления пищи и последующей трапезы раскрывали свои характерные черты и тайные мысли», — пишет составитель юмористического сборника [5, S. 58–59].

Возможно, это утверждение и является преувеличением, но как тут не вспомнить о трех пресловутых «К» немецкой женщины: церковь, кухня, дети (*Kirche, Küche, Kinder*). После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии эта триада была предана забвению, причудливо трансформировавшись в дуализм тела и духа, церкви и кухни.

В фондах Калининградского областного историко-художественного музея хранится интересный документ, меню известного кёнигсбергского винного ресторана «Блютгерихт» 1930-х гг. [2, КГОМ 1/12 9554]. В разделе меню «Жаркое со

сковородки» вниманию посетителей предлагается блюдо под названием «Гогенцоллерн в горшочке» (*Hohenzollerntopf*), представляющее собой обжаренное с картофелем и грибами мясо. Видимо, таким необычным образом бывшие подданные германского императора хотели увековечить память о правившей в Пруссии и Германии династии, свергнутой в результате Ноябрьской революции. Трудно представить себе нечто подобное до революционных потрясений 1918 г.! Кстати, само название винного ресторана имело двойственный, неоднозначный характер. Оно могло обозначать не только известный кровавыми решениями средневековый суд, который когда-то размещался в помещениях северного флигеля Королевского замка, но и блюдо из мяса с кровью. Возможно, попробовав это блюдо или густое фирменное вино, посетитель невольно становился участником тайного средневекового судилища!

Характерная особенность восточнопрусского юмора, имевшая косвенное отношение к кулинарии, состояла в том, что к шутливым прозвищам людей недалеких или глупых обязательно добавлялись природные компоненты, причем только на нижнепрусском диалекте, например: *Glumskopp* (*Glumse* творог, Корр голова; человек, у которого вместо мозгов творог, дурень), *Pomuchelskopp* (*Pomuchel* — треска; человек с треской вместо мозгов, тупица).

Алкогольные напитки также становились объектами иронии и шуток. Восточные пруссаки, как правило, соблюдали баварский закон 1516 г. о чистоте пива, согласно которому при его производстве должны были использоваться только три ингредиента: вода, ячменный солод и хмель. Во многих пивных заведениях Восточной Пруссии подавали пенный напиток в больших глиняных кружках с различными шутивными надписями, доминирующим мотивом среди которых было достижение состояния

блаженства в хорошей компании. Однако для этого необходимо было осушить кружку до дна. Большой популярностью пользовались также пивные кружки с откидными крышками в форме головы знаменитых государственных мужей Пруссии или представителей династии Гогенцоллернов: король Фридрих II, канцлер Бисмарк или фельдмаршал Гинденбург. В Средние века бытовала традиция давать маркам пива шуточные прозвища. Для кёнигсбергского пива сохранилось только одно такое название, — «кислая служанка» (*Sauermagd*) [3, S. 147].

С крепкими алкогольными напитками ситуация была несколько иной. Если пиво не должно было содержать посторонних примесей, то в процессе дистилляции шнапса пруссаки охотно добавляли различные ингредиенты, как правило, можжевельник, яичный желток, свежееотжатый ягодный сок или сосновую хвою. Наиболее известным в Восточной Пруссии, а также за ее пределами, был крепкий ликер под названием «Медвежья охота», изготавливаемый на основе меда, корицы и лимона. На этикетке обычно изображался разоряющий ульи бурый медведь. Его действие на организм было не совсем обычным: сначала человек терял равновесие, затем у него подкашивались колени, после чего язык начинал говорить всякую чепуху. По этому поводу бытовал короткий стишок, который восточные пруссаки любили декламировать своим гостям. Интересно отметить, что название этого знаменитого напитка имело синоним на нижнепрусском диалекте — *мешкиннес* (*Meschkinnes*).

Постоянной темой шуточных историй была также школьная система. Вариаций здесь очень много, но, пожалуй, самой ходовой была следующая, которая показывает, как маленький Фрицхен своими ответами ставит в тупик учителя, а за ним и директора школы:

«Дети, говорит учитель, кто из вас знает какую-нибудь хорошую пословицу?» — «Кто рано встает, тому Бог подает», — отвечает один ученик. «Лиха беда начало», — кричит с места другой. Затем поднимает указательный палец Фрицхен и простодушно произносит: «Один глупец способен озадачить нескольких мудрецов».

«Ты, видимо, хочешь подшутить надо мной, сорванец, — говорит учитель. — Либо в качестве наказания ты сегодня остаешься в школе после уроков, либо приводишь немедленно приличную пословицу.» — «Право на стороне сильного!»

Учитель выходит из себя и требует от ученика сказать еще одну пословицу. «Если ты немедленно не скажешь подходящую пословицу, я тебе всыплю!» Фрицхен рыдает: «Удел праведника — много страдать!»

После этого ответа учитель бросается вон из класса, чтобы поставить в известность о случившемся директора. Последний появляется в классе, подходит к Фрицхену и дружелюбно пытается завести разговор с плачущим мальчиком: «Послушай, дитя мое, если я, твой директор, попрошу тебя назвать какую-нибудь пословицу, ты ведь сделаешь мне одолжение, не так ли?»

«Конечно, господин директор», — всхлипывает маленький Фриц и, подумав немного, с сияющим видом говорит: «Беда не приходит одна» [5, S. 96].

Естественно, выше приведены далеко не все сюжетные линии восточнопрусского юмора. Они более вариативны, чем это представляется на первый взгляд, и это не случайно, поскольку импульсом для их формирования являлась сама жизнь во всем ее многообразии.

Список источников и литературы

1. *Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Исторические очерки, доку-*

менты, материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков [и др.]. Калининград, 1996.

2. *ФКОИХМ*.
3. *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Köln, 1996. Bd. 1: Von der Gründung der Stadt bis zum letzten Kurfürsten.
4. *Humor* aus Ostpreussen. Leer, 1981.
5. *Ruddies G.* Humor in Schwaben und Ostpreussen. Mühlacker, 1991.

Об авторе

Александр Сергеевич Макарычев — старший научный сотрудник истории, Калининградский областной историко-художественный музей.

E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com